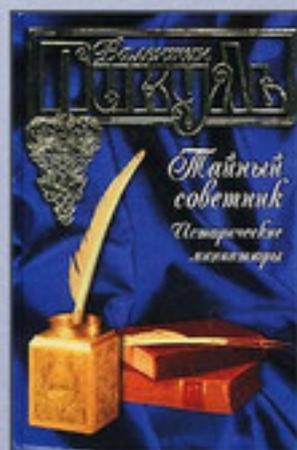

Валентин Пикуль

Трагедия «Русского Макарта»

*Часть сборника
Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

Трагедия «Русского Макарта»

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Трагедия «Русского Макарта» / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Тайный советник)

«...Громадный холст еще чист, возле него стремянка; из китайских ваз растут пышные букеты различных кистей. Бодряще пахнет красками, скипидаром, лаками... Если верить слухам, мастерская Ганса Макарта в Вене более напоминает ателье дамских мод, а мастерская Константина Маковского вроде антикварной лавки: блестят шелка и парча, всюду древнее оружие, боярские одежды, кокошники и сарафаны, в ларцах из слоновой кости туманится жемчуг, на рундуках мерцают братины из серебра и золота, ковры и гобелены – все это цветет и брызжет сочностью красок и света... В полдень живописца навещает солидный сенатор, готовый заплатить за свой портрет 3 000 рублей. Час работы – и все закончено. По опыту мастер знает: улучшать удачное – только портить...»

Валентин Пикуль

Трагедия «русского Макарта»

Морозный Петербург. Раннее утро. Одна из комнат обширной квартиры Маковского отведена для тропического сада, в котором живут заморские птицы, наполняющие жилище художника забавным пением. Он и сам встречает день пением:

Перед тронem красоты телесной
Святыx молитв не зажигаи,
Не называй ее небесной
И у земли не отнимаи...

Громадный холст еще чист, возле него стремянка; из китайских ваз растут пышные букеты различных кистей. Бодряще пахнет красками, скипидаром, лаками... Если верить слухам, мастерская Ганса Макарта в Вене более напоминает ателье дамских мод, а мастерская Константина Маковского вроде антикварной лавки: блестят шелка и парча, всюду древнее оружие, боярские одежды, кокошники и сарафаны, в ларцах из слоновой кости туманится жемчуг, на рундуках мерцают братины из серебра и золота, ковры и гобелены – все это цветет и брызжет сочностью красок и света... В полдень живописца навещает солидный сенатор, готовый заплатить за свой портрет 3 000 рублей. Час работы – и все закончено. По опыту мастер знает: улучшать удачное – только портить.

– Кажется, готово, – смущенно говорит он заказчику.

Но сановник, весьма далекий от понимания маэстрии, не соглашается платить деньги за столь быструю работу:

– Раньше портреты выписывали комариным жалом, а вы своим помелом – мах-мах и... разве уже готово?

В таких случаях Маковский вынужден притворяться:

– Вы меня не совсем-то правильно поняли. Портрет закончен лишь вчерне, а теперь мне нужен по крайней мере еще месяц, чтобы придать ему необходимое *brío* – блеск...

После ухода сенатора портрет будет валяться в мастерской целый месяц, после чего масло покрывается лаком, и можно отсылать по адресу заказчика. Подобных анекдотов о Маковском сохранилось множество, зато в мемуарном наследии художников о нем упоминается бегло, словно о незначительном мастере. А между тем слава Константина Егоровича Маковского давно уже переплеснула рубежи России, хотя популярность его кисти была иногда обидной для авторского самолюбия.

Не лучше ли обратиться к истокам причудливой и неповторимо противоречивой жизни? Москва была его родиной. А в детстве все интересно. Облезлая ворона смешно пила из лужи. На Ленивке чистоплотный мужик торговал вкусным малиновым квасом. В магазине на Тверской итальянец Джузеппе Артари раскладывал эстампы, выписанные из-за границы.

– Любуйся и запоминай, – внушал отец сыну.

Во время прогулок по Москве он требовал от Кости зарисовывать в карманный альбомчик уличные сценки, набрасывать портреты встречаемых прохожих, а дома спрашивал мальчика:

– Не забыл ли мужика, что квасом тебя угощал? Да и ворона та была примечательна. Ну-ка, изобрази мне их...

Егор Иванович Маковский служил бухгалтером, душою принадлежал искусствам. Гитара уже кочевала по Москве, и Тропинин, приятель его, оставил нам галерею гитаристов и гитаристок, живые немеркнувшие полотна. Сколько наивной прелести было тогда в старинных романах! От Лермонтова до Полины Виардо, от Пушкина до Ференца Листа – никто не миновал

очарования этих струн, брызжущих над заснеженными далями России подлинной трагедийностью. Любовь Корнеевна, мать Кости, обладала прекрасным голосом, она пела в публичных концертах, и мальчик, притихший за креслом отца, внимал романсам Гурилева, Алябьева, Булахова, Донаурова. А как выразительны были глаза молодой женщины, облик которой сберегла для нас тропининская кисть. Уже прославленный Брюллов, проездом через Москву, зажился в доме Маковских, очарованный радушием хозяина и красотой его жены. Что там было? И было ли вообще что-нибудь? Это навеки осталось тайною двух сердец, и Брюллов отъехал в Петербург, а Любовь Корнеевна осталась при муже, воспитывая детей...

Много позже Константин Маковский будет прозрачно намекать на свое романтическое происхождение.

– Помилуйте, – возражали ему знатоки, – но Карл Палыч загостился в Москве в тридцать шестом году, а вы, милейший маэстро, урождены в тридцать девятом. Не так ли?

– Это ничего не значит, – загадочно улыбался Константин Егорович, и в его автопортретах, писанных в молодости, действительно ощущается нечто от брюлловского облика.

Но и это ничего не значит. Речь пойдет о другом.

Прежде о русалках, благо о них ныне писать не принято. Маковскому попало за них от критики (и по инерции до сих пор еще попадает). Напомню, что «Русалки» Крамского появились в 1871 году, «Садко» Репина – в 1875 году, а Маковский создал свое полотно после них – уже в 1879 году. Крамской сделал русалок допропорядочными девами, у Репина они – экзотичные принцессы, а Маковский свил обнаженные тела в чувствительный вихрь, взлетающий от воды к наваждению лунного сияния. Всем троим влетело от критиков! Но стоило ли осуждать эту тему, если русалками наполнены русские народные сказки, если мимо русалочьих чар не прошли ни Жуковский, ни Пушкин, ни Тарас Шевченко. Мне вспоминается, что сказал Семирадский в споре со Стасовым: «А насчет правды в искусстве, так это еще большой вопрос. И нам, может быть, всегда дороже то, чего никогда не было. Таковы все создания гения».

Не здесь ли и заложен камень преткновения?

Но все-таки странно, что, заговорив о Константине Маковском, никогда нелишне упомянуть: «Это брат известного Владимира Маковского». Их, кстати, было три брата – Владимир, Константин, Николай и сестра Александра – все художники, как и отец их – талантливый самоучка. К этим же Маковским принадлежат в их потомстве – Александр Владимирович, профессор живописи, и Сергей Константинович, издатель модного в свое время журнала «Аполлон», за выпусками которого и по сей день страстно охотятся наши книголюбы. Семья, как видите, артистическая! И если мать наполняла дом музыкой и пением, отец украшал комнаты картинами. Егор Иванович имел драгоценную коллекцию рисунков, в его собрании хранились даже первые оттиски гравюр Рафаэля, Рубенса и Рембрандта, – величайшим наслаждением он считал просмотр этих сокровищ, вызывая восторг в отзывчивых собеседниках. И вот я думаю: как счастливо непорочное детство, когда осмысленные взоры детей, едва пробуждаемых к жизни, уже скользили по полотнам Кипренского и Тропинина, их глаза чутко реагировали на виртуозную линию граверного резца...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.